

В. И. Короневский

ИДЕЯ «БЕЛОРУССКОГО СВЯТОГО» В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: АЛЬТЕРНАТИВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Концепция святого покровительства (патроната), осуществляемого святыми над отдельными регионами или политическими образованиями была широко распространена и на Западе, и на Востоке Европы еще с эпохи средних веков. «Республикой святого Марка» именовалась Венеция, «землей Девы Марии» – средневековая Ливония, а «землей святой Софии» с XIII в. считалась Новгородчина. В XVII в. своими небесными патронами обзавелась и Речь Посполитая: «святым покровителем Польши и Литвы» считался св. Казимир, а «патроном Литвы и Руси» именовался св. Иосафат Кунцевич¹.

Даже на протяжении «долгого XIX века», когда восточные территории бывшей Речи Посполитой уже вошли в состав Российской империи и стали ее Западными окраинами, зародившиеся два столетия назад культы святых патронов Речи Посполитой продолжали сохранять популярность среди значительной части местного населения. Для католиков и некоторых бывших униатов, номинально числившихся православными, особенно чтимым святым продолжал оставаться св. Иосафат². Возникали на этих землях и новые культы католических святых: среди них стоит отметить беатифицированного в 1853 г. Андрея Боболу, который, подобно Кунцевичу, воспринимался польскими авторами как патрон Польши, павший от рук «схизматиков» за католическую веру и Отчизну³.

¹ О роли культа Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой XVII в. см.: *Родэвальд Ш.* Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. // *Беларускі Гістарычны Агляд.* 2009. Т. 16. С. 345–372; *Fukushima C.* Uniate Martyr Josaphat and his role as a confessionalizing, integrating, and nationalizing influence // *Entangled interactions between religion and national consciousness in Central and Eastern Europe.* Boston, 2020. P. 1–28; *Jobst K.* Transnational and trans-denominational aspects of the veneration of Josaphat Kuntsevych // *Journal of Ukrainian studies.* 2012. № 37. P. 1–17.

² *Савва (Тихомиров), архиепископ.* Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 3. Сергиев Посад, 1901. С. 383.

³ См.: *Wróblewski A.* Bł. Andrzej Bobola T. J. umęczony za wiarę d. 16 maja 1657 r. Lwów, 1907. S. 44, 64, 70–71.

В свою очередь, местная православная интеллигенция и представители высшей российской бюрократии воспринимали Иосафата Кунцевича и Андрея Боболю не иначе как «могущественное оружие в руках врагов России и православия», при помощи которого поляки стремятся окатоличить и ополячить местное белорусское население⁴. В стремлении обосновать «неприглядный моральный облик патронов Польши» или доказать подложность их мощей⁵ православные авторы второй половины XIX – начала XX вв. написали немало статей.

Одновременно с этим несравненно большее, нежели прежде, внимание стало уделяться популяризации местных православных святых. Евфросиния Полоцкая, Виленские мученики, Афанасий Брестский и некоторые другие святые угодники, традиция почитания которых еще в первой трети XIX в. пребывала в глубоком упадке, стремительно набирали популярность. В сознании местного православного духовенства и части интеллигенции многие из них стали восприниматься как символы исконности православия «в стране древнего достояния России»⁶. Память о местных святых должна была стать одним из инструментов «освобождения» региона от польско-католического влияния и его полноценной инкорпорации в состав православной России⁷.

В то же время менялось и восприятие представителями российской интеллигенции территорий бывшего Великого княжества Литовского, в частности, Белоруссии⁸, а также населения этих земель. Во второй половине XIX в. господствующее положение заняла концепция «триединой русской нации», согласно которой белорусы наравне с великороссами и малороссами являлись частью русского народа⁹. Российская общественность

⁴ Материалы о поклонении праху иезуита Андрея Боболя среди православных прихожан Витебской губ. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 262. Карт. 48. Д. 8. Л. 14.

⁵ См., например: Канонизация мучителя // Вестник Западной России. 1865. Кн. 3. Т. 10. С. 23–28; *Волоатовский М.* Андрей Боболя // Литовские епархиальные ведомости. 1876. № 3. С. 19–23; *Сикорский И.* Реликвии Иосафата Кунцевича // Литовские епархиальные ведомости. 1871. № 3. С. 107–117; *Коротков С.* Св. Кирилл, епископ Туровский // Минские епархиальные ведомости. 1898. № 10. С. 297–298.

⁶ *Василий (Лужинский), архиепископ.* Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого. Казань, 1885. С. 201.

⁷ *Алексий (Мелиоров), священник.* Речь при встрече Св. мощей Преподобной Евфросинии, Игумении Полоцкой в Речицком Успенском Соборе 25 апреля 1910 г. // Минские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 247; *Иосиф (Соколов), епископ.* Святой преподобно-мученик Афанасий, игумен Берестский. Подробное историческое о нем повествование – с изображением его. Святой мученик Гавриил Заблудовско-Слуцкий. Историческая о нем и его чествовании сведения. Воронеж, 1899. С. 142–143.

⁸ Избегая путаницы, в дальнейшем изложении мы будем использовать понятия «Белоруссия» и «Беларусь» обособленно друг от друга, следуя за имеющимися источниками. Термин, обозначающий историко-географический регион – «Белоруссия» («Белорусский край», «Белорусская страна») – будет употребляться при анализе творчества той части интеллигенции, которая видела в белорусах часть русского народа. О «Беларуси», наделенной не столько историко-географическим, сколько этно-политическим содержанием, речь будет идти в связи с исследованием картины мира носителей идеи независимой белорусской нации.

⁹ См.: *Горизонтов Л. Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129–150.

все чаще стала смотреть на историю северо-западных губерний через призму существования особой белорусской народности, пусть и неразрывно связанной с остальными ветвями «триединого народа». Отдельные деятели прошлого, связанные с регионом, стали все чаще погружаться в специфически белорусский контекст и оцениваться в соответствии с их ролью не столько в локальной или, напротив, общероссийской истории, сколько в истории Белоруссии и белорусской ветви «триединого русского народа». Коснулись эти процессы и наиболее популярную из местных православных святых – преподобную Евфросинию Полоцкую.

Корни идеи о «белорусской святой» стоит искать не во второй половине XIX в., а намного раньше. Первое упоминание Евфросинии Полоцкой в общеполоцком контексте встречается в стихотворениях Симеона Полоцкого «Прилог к преподобной матери Евфросинии» и «Апрель 27. Взенто образ насвентшэй Богородзицы з Полоцка до Москвы», написанных в 1663 г. по случаю перенесения Полоцкой иконы Богоматери в Москву. Речь идет о следующих строках:

Убо, о мати, прыпади за нами
К гасподу Богу твоими рабамі,
Да возвратит нам ікону святую,
Просвети землю беларосійскую¹⁰.

В указанном фрагменте преподобной приписывается важная роль: умолить Бога вернуть в Полоцк одну из главных местных реликвий – чудотворную икону, полученную, по преданию, самой Евфросинией из Византии. Сложно однозначно сказать, где проходят границы «земли белорусской», которую таким образом должна была «просветить» Евфросиния. Возможно, речь идет только о Полоцкой земле, которую, начиная с последней трети XVI в., иногда называли «Белой Русью». Более вероятным, однако, представляется вариант, что поэт подразумевал восточные территории Великого княжества Литовского в целом, применительно к которым соответствующее название чаще всего употреблялось в середине XVII в.¹¹ Однако «белорусской святой» или, тем более, «покровительницей Белоруссии» Симеон Полоцкий преподобную Евфросинию не называет. Наверное, имеет смысл согласиться с утверждением О. Латышонка, который писал, что «w lamentach Symeona Połockiego przejawiają się zaczątki kultu św. Eufrozyny jako opiekunki nie tylko Połocka, lecz także całej “ziemi białoruskiej”»¹², но только если речь идет о «зачатках» идеи, которая будет полноценно сформулирована намного позже.

Наиболее раннее из известных упоминаний о Евфросинии как о «покровительнице Белоруссии» датируется 1833 г., когда на волне укреплений позиций православия на территории Западных губерний была образована Полоцкая и Виленская православная епархия, располагавшаяся на территориях Витебской, Виленской и Курляндской губерний. По ходатайству ее первого епископа Смарагда (Крыжановского) Полоцкая духовная консистория постановила праздновать во всех церквях епархии день памяти

¹⁰ В другом стихотворении почти те же строки: «Убо, о Мати, прыпади за нами / Господу Богу твоими рабамі, / Да возвратил бы нам ікону святую, / Просветил землю Белоросійскую» (Симеон Полоцкий. *Віршы*. Минск, 1990. С. 62–64, 77–78).

¹¹ *Белы А.* Хроніка Беларусі: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. С. 165, 188.

¹² *Łatyszonek O.* Od Rusinów Białych do Białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006. S. 214.

преподобной Евфросинии, «яко покровительницы всей страны Белорусской». При этом копии соответствующего указа были отправлены не только в храмы Витебской губернии, но и в Вильно, Митаву и Якобштадт¹³, которые частью «страны Белорусской» к тому моменту едва ли могли считаться.

Следующее упоминание о Евфросинии Полоцкой в белорусском контексте относится к 1840 г., хотя и содержится оно на страницах автобиографических «Записок» Полоцкого архиепископа Василия (Лужинского), законченных в 1874 г. в период нового всплеска внимания к фигуре святой. Вспоминая о том, как вскоре после воссоединения униатов, он занимался «исправлением и устройением по греко-восточному» храмов Лепельского уезда Витебской губернии, архиепископ писал, что освящал церкви «то во имя Преображения Господня, то во имя Премудрости Божией (Софии), то во имя преподобной Евфросинии княжны Полоцкой, покровительницы Белорусского края»¹⁴.

В начале 1870-х гг. в истории культа св. Евфросинии совершилось знаковое событие. В 1870–1871 гг. состоялась церемония перенесения частицы ее мощей из Киево-Печерской лавры сначала в Витебск, а затем в Полоцк. По случаю торжеств в типографии витебского купца А. Г. Малкина была издана анонимная брошюра под названием «О принесении части святых мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь». Первое предложение гласило: «Принесение части святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, есть событие, важное и знаменательное в духовной жизни Белорусского края»¹⁵. «Событием, которое не может остаться незамеченным обитателями всего Белорусского края» назвал перенесение реликвии и корреспондент «Виленского вестника» из Витебска – местный житель, писавший под псевдонимом «А.А.»¹⁶. Спустя год после церемонии Полоцкий епископ Савва (Тихомиров) пытался уговорить Киевского митрополита Арсения (Москвина) передать Спасо-Евфросиниевскому монастырю мощи преподобной целиком. Стараясь подобрать новые аргументы в пользу перенесения святыни, он писал, что мысль о возвращении местной реликвии «с давнего времени присуща всему православному населению не только г. Полоцка, но и всей Белоруссии»¹⁷.

Сложно сказать, в каких границах упомянутые выше авторы воспринимали «Белоруссию». Поскольку в сравнении с 1833 г. территория Полоцкой епархии стала намного меньше и более не включала в себя территории Курляндской и Виленской губерний, можно предположить, что речь шла либо только о Витебской губернии,

¹³ Указ о воспоминании во всех церквях Полоцкой епархии при богослужениях Евфросинии, княжны Полоцкой // Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 610. Оп. 2. Д. 551. Л. 1–1 об.

¹⁴ *Василий (Лужинский), архиепископ*. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого. Казань, 1885. С. 198.

¹⁵ О принесении части святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Витебск, 1871. С. 3.

¹⁶ А. А. Из Витебска // Виленский вестник. 1871. № 74. С. 283–284

¹⁷ Материалы о перенесении мощей Евфросинии Полоцкой из Киево-Печерской лавры в Спасский Полоцкий монастырь // ОР РГБ. Ф. 262. Карт. 50. Д. 3. Л. 27. – Об истории противостояния Полоцка и Киева за мощи св. Евфросинии см.: Федор (Титов), протоиерей. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая (Историческая справка к предстоящему перенесению мощей преп. Евфросинии из Киева в Полоцк) // Труды Киевской Духовной Академии. 1910. Т. IV. С. 506–545.

либо о двух губерниях – Витебской и Могилевской. Последняя к тому времени тоже воспринималась как «Белорусская»¹⁸. Однако на Могилевщине XIX в. не существовало развитой традиции почитания Евфросинии: не было ни одной церкви, освященной в честь полоцкой преподобной¹⁹, вплоть до 1910 г. не известно ни одной посвященной ей статьи в местных «Епархиальных ведомостях» и ни одной брошюры, изданной на территории этой губернии.

Несмотря на свое многообразие, процитированные выше тексты, не исключая и стихотворений Симеона Полоцкого, имеют два явных сходства. Во-первых, все они созданы в Полоцке и Витебске в особо значимые моменты: перенесение местной чудотворной иконы в Москву в 1663 г., возрождение местной православной епархии, мероприятия, связанные с воссоединением униатов в 1830-е – начале 1840-х гг., перенесение частицы мощей преподобной княжны из Киева в Полоцк в начале 1870-х гг. Во-вторых, в каждом из них «покровительница Белорусской страны» упоминалась с большим пафосом, на важности святой не только для города Полоцка, но и для всей Белоруссии делался особый акцент.

Таким образом, идея «Евфросиния Полоцкая – покровительница Белоруссии» уходит корнями в XVII в. В дальнейшем вплоть до 1870-х гг. она существовала в среде полоцкого духовенства, а позже еще и в кругах полоцкой и витебской интеллигенции. Однако актуализировалась она изредка. О важности преподобной не только для Полоцка, но и в целом для Белоруссии с заявляли лишь в переломные моменты в истории местного православия, когда требовалось подчеркнуть значимость главной местной святой. Воображаемые границы «Белорусской страны», на которую распространялось покровительство Евфросинии, варьировались от случая к случаю, в это пространство неизменно включался лишь Полоцк.

В 1890-е гг. происходят кардинальные изменения. Упоминания о св. Евфросинии в белорусском контексте начинают встречаться значительно чаще. Объектом ее покровительства, которым ранее являлся только белорусский край, теперь становится и белорусский народ. Так, Полоцкий священник Николай (Околович) в 1890 г. называл Спасо-Евфросиниевский монастырь «оплотом религиозного единства Белоруссии», а основанный княжной Спасо-Преображенский храм – «сердцем Белоруссии» и «заветной святыней Белорусского народа»²⁰. Спустя год он выскажется еще более ярко: «Спасо-Евфросиниевский монастырь – это наш белорусский Везиль»²¹.

Не менее показательны тексты полоцкого протоиерея Михаила (Дубровского), автора самой популярной из выходявших на рубеже XIX–XX вв. версий жития святой. В издании «Жития преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой» (1891) Михаил (Дубровский) утверждал, что перенесенная в Полоцк в 1871 г. частица мощей святой

¹⁸ Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 185, 196.

¹⁹ Мыслівец Г. М. Традыцыя шанавання Еўфрасініі Полацкай: генезіс, развіццё, сучаснасць: Дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2015. С. 161.

²⁰ Николай (Околович), священник. 1) Праздник преподобной Евфросинии в г. Полоцке 23-го мая 1890 года // Полоцкие епархиальные ведомости. 1890. № 13. С. 565; 2) Слово в день преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, сказанное в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре // Полоцкие епархиальные ведомости. 1890. № 13. С. 570.

²¹ Николай (Околович), священник. Слово в день Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, сказанное 23 мая 1891 г. в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре // Полоцкие епархиальные ведомости. 1891. № 15–16. С. 711.

служит «в ограждение православного населения Белоруссии от вредного для чистоты православия влияния латинских святынь»²². В версии 1894 г. протоиерей пишет, что Спасо-Преображенская обитель «служит священным памятником древнего благочестия белоруса, его единства с великим православно-русским народом и в то же время напоминает ему о его тяжелой минувшей доле, в течение более 200 лет страдавшего под игом Польши»²³. Развивая эти идеи, в издании 1903 г. он уже приписывает белорусам твердую веру в то, что «небесная покровительница Белорусского края возвратится в свою обитель и своим присутствием будет хранить в родном крае православную веру и русскую народность от пагубного влияния латинства, лютеранства и других тлетворных ересей и расколов, подвигающихся в Белорусский край с соседнего запада»²⁴.

Переломным событием в истории почитания преподобной княжны стала церемония перенесения мощей целиком в 1910 г. Торжества приобрели характер празднования победы Православной церкви над оппонентами: католицизмом, сектантством, расколом и неверием, причем нередко речь шла не только о Полоцке, но и о России в целом²⁵. Хотя в начале XX в. в среде российского чиновничества и обсуждались некоторые «меры культурного характера, способные противостоять польскому влиянию на белорусов»²⁶, непосредственная популяризация Евфросинии Полоцкой как святой покровительницы Белоруссии не входила в планы организаторов.

Многие публицисты, писавшие о Полоцких торжествах, расставляли акценты иначе. К примеру, монархически настроенные авторы склонны были использовать церемонию для констатации верности народа монарху и для популяризации отдельных членов императорской семьи²⁷. Другие – делали акцент на значимости перенесения мощей Евфросинии именно для Белоруссии и белорусов.

Например, в анонимной статье с показательным названием «Путеводная звезда Белой Руси», опубликованной не только в местных газетах, но и в «Московских ведомостях», писали: «Пусть народ Белой Руси вспомнит, что не от католиков, не из Ченстохова, даже не от Острой Браммы, пришла святая княжна, а от гроба Спасителя и от тех святых угодников, которых молитвы и святые подвиги создали духовно Русский народ. Святая Евфросиния приносит православно-русское единство в родной Полоцк. На православие и на Россию указывает эта путеводная звезда. Да отбросит же от себя народ Белой России прельщения и обманы польщизны»²⁸. Схожие мысли, рассуждая о прошедшем торжестве, высказывал протоиерей Георгий (Шавельский): «Да, это был великий, чисто духовный, но в высшей степени отрадный и знаменательный праздник Белоруссии...

²² Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Полоцк, 1891. С. 11.

²³ Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Витебск, 1894. С. 24.

²⁴ Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Витебск, 1903. С. 27.

²⁵ Петр (Петровский), протоиерей. К вопросу о перенесении мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. 1909. № 24. С. 445–446.

²⁶ Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. С. 325.

²⁷ Евграф (Овсянников), протоиерей. Слово в день Священного Коронования Их Императорских Величеств // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 27. С. 651–661.

²⁸ Путеводная звезда Белой Руси // Московские ведомости. 1910. № 118. С. 1.

Нет, более чем Белоруссии, – всей русской земли, ибо Белоруссия – часть великого русского народа, плоть от плоти и кость от кости его»²⁹.

Вполне закономерно большую популярность в 1910 г. обрел фигурировавший с 1890-х гг. тезис о том, что именно молитвы Евфросинии и память о ней, которую православные белорусы никогда не утрачивали, во время «польско-католического засилья» дали силы сохранить в душе православную веру и русскую народность³⁰. Преподобная княжна именовалась «защитницей бедного и забитого белорусского доброго народа», его «ласковой родной матерью»³¹.

Таким образом, период конца XIX – начала XX в. стал временем интенсивного развития идеи о «белорусской святой» – Евфросинии Полоцкой. Из святой покровительницы «края» преподобная превращается еще и в символ принадлежности местного населения к православной вере и белорусскому народу, понимаемому в соответствии с концепцией «триединой русской нации».

Некоторые представители интеллигенции видели в полоцкой святой своего рода «щит» на пути распространения польско-католического влияния в среде белорусского населения. Княжна с их точки зрения, безусловно, являлась «путеводной звездой, освещающей весь исторический путь белорусского народа»³², но постольку, поскольку сам белорусский народ был частью «триединой русской народности». Иначе говоря, св. Евфросиния была покровительницей части в ее неразрывном единстве с целым: объектом ее патроната являлась не только Белоруссия и белорусский народ как таковые, но и их неотчуждаемость от России и Православной церкви.

* * *

В начале XX в. своя точка зрения на прошлое и будущее Белорусского края имела не только у сторонников единства с Россией. Белорусское национальное движение, видевшее в белорусах самостоятельный народ, не тождественный ни русским, ни полякам, переживало процесс формирования собственного взгляда на историю. В рамках нового национального исторического нарратива особая роль отводилась Полоцкому княжеству, которое воспринималось как колыбель белорусской государственности³³.

Поскольку его ранняя история была сравнительно слабо освещена летописными источниками, историк, стремившийся включить Полоцкое княжество в тот или иной национальный нарратив, неизбежно должен был столкнуться с проблемой: список ярких фигур, пригодных для возведения в ранг символа «первого белорусского государства», был невелик. Рогволод и Рогнеда, Изяслав, Брячислав, Всеслав Чародей, да, быть может, Борис – вот и весь перечень потенциальных кандидатов на помещение в древнеполоцкий пантеон. Логично было бы предположить, что в таких условиях одним из наиболее очевидных кандидатов на статус олицетворения древней Беларуси становилась св. Евфросиния Полоцкая. Основавшая монастырь, занимавшаяся переписыванием

²⁹ Шавельский Г., протоиерей. На торжество перенесения мощей преп. Евфросинии в гор. Полоцк // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 33. С. 741.

³⁰ Житие Преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой. СПб., 1910. С. 11.

³¹ Поселянин Е. Евфросиния, Полоцкая княжна // Отдых христианина. 1910. № 4. С. 521; Полоцкое торжество // Русское чтение. 1910. № 109. С. 1.

³² Путеводная звезда Белой Руси // Московские ведомости. 1910. № 118. С. 1.

³³ О «полоцком мифе» см.: Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск, 2005. С. 81–85.

книг, совершившая паломничество в Святую землю, наконец, причисленная Церковью к лику святых, она, казалось бы, была слишком яркой фигурой, чтобы ее можно было игнорировать.

Тем не менее, анализ источников показывает, что в начале XX в. лидеры белорусского национального движения отводили Евфросинии Полоцкой весьма скромное место. Вплоть до 1910 г. имя святой не упоминалось на страницах газет «Наша доля» (издавалась с 1906 г.) и «Наша ніва» (выходила в 1906–1915 гг.). Нет никаких сведений о текстах, посвященных полоцкой святой, и в справочных изданиях по белорусской библиографии того периода³⁴. Данные, которые можно хотя бы отчасти отнести к Евфросинии, появляются только в книге В. У. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі», увидевшей свет в начале 1910 г. Речь идет о двух предложениях: «Пасья Барыса княжыў у Полацку сын яго, Васілько (Кукейноскі). У гэтым часе жыў ешчэ Глеб Рогволодовіч, князь Друцкі, дачка каторага Параскевія (Параска), памёршая ў 1239 г., залічэна да ліку сьвятых»³⁵.

Строго говоря, этот абзац посвящен даже не Евфросинии, а легендарной католической святой Параскеве Полоцкой, с которой в XIX в. Евфросиния иногда отождествлялась³⁶. Интересно, что фрагмент о «Параске» В. У. Ластовский позаимствовал из одной из статей А. Киркора в «Живописной России», с незначительными изменениями переведя на белорусский язык следующие строки: «После Бориса правил Полоцком сын его Василько Кукейноский. Жил еще Глеб Рогволодович, князь Друцкий, которого дочь Параскевия, инокиня монастыря, умершего³⁷ в 1239 г., причислена к лику святых»³⁸.

Таким образом, в начале 1910 г., то есть за несколько месяцев до Полоцких торжеств, в ходе которых преподобная Евфросиния прославлялась, в том числе и как святая покровительница Белоруссии, представители белорусского национального историописания не считали княжну значимым персонажем белорусской истории. Ситуация не сильно изменится и после церемонии перенесения мощей. Эти события были широко известны по всей России, не говоря уже о Северо-Западном крае, активную роль в их освещении играли периодические издания, выходившие в Вильно³⁹, где базировалась и «Наша ніва». Мы можем утверждать, что о происходящих в Полоцке событиях и об их

³⁴ Летапіс беларускага друку. Ч. II. 1835–1916. Менск, 1929. 44 с.

³⁵ Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. С. 14.

³⁶ К концу XIX в. среди российских историков, занимавшихся изучением древнего Полоцка, утвердилась точка зрения, согласно которой Параскева Полоцкая в реальности никогда не существовала, а легенда о ней была сконструирована католическими авторами XVI–XVIII вв. (см.: Сапунов А. П. 1) Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. 1888. № 14. С. 1–29; № 15. С. 31–45; 2) Крест, приписываемый Параскеве, княжне полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. 1888. № 15. С. 45–49; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 241–244.). – Однако на простых полочан образ Параскевы продолжал оказывать некоторое влияние даже в начале XX в.: отдельными ее чертами нередко наделялась преподобная Евфросиния Полоцкая (Я. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая // Церковные ведомости. 1909. № 27. С. 1223–1224; Кашикарв И. Витебский ксендз о Святой княжне Евфросинии // Русское знамя. 1910. № 121. С. 1.).

³⁷ Должно быть «умершая», так как речь идет не о монастыре, а о Параскевии.

³⁸ Киркор А. Очерк IV. Исторические судьбы Белорусского полесья // Живописная Россия. Т. 3. СПб., М., 1882. С. 294.

³⁹ Миллер Е. Н. Вся слава земная, как пепел и прах... // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. 1910. № 9. С. 172; Мочульская М. Благоверная княжна // Виленский вестник. 1910. № 2054. С. 2.

интерпретации сторонниками концепции «триединой русской нации» представители белорусской национально ориентированной интеллигенции знали хорошо. Тем не менее, на страницах «Нашей нівы» появилась всего лишь одна посвященная церемонии статья В. Цитовича, объем которой составил полторы страницы.

Р. Линднер полагает, что ее автор смотрел на Евфросинию как на «нацыянальную святую з Полацка», которая своими трудами «дапамагла, каб Полацк узвысіўся і ператварыўся ў “сталічны горад вялікага беларускага народу”», а «наведванне ёю Канстанцінопаля і Святой зямлі, яе скон у Палестыне і, урэшце, пахаванне яе мошчаў у Ерусаліме падаюцца як доказы далучанасці да сусветнай культуры і гісторыі беларускіх земляў у старадаўнія часы»⁴⁰. Однако согласиться с этим мнением трудно, поскольку и характеристика Евфросинии Полоцкой как «национальной святой», и замечания о ее роли в деле приобщения древней Беларуси к всемирной культуре в тексте В. Цитовича отсутствуют как таковые. Большая часть рассматриваемой статьи представляет собой ничем не примечательный пересказ жития, аналогичные которому в 1910 г. во множестве появлялись на страницах провинциальных газет⁴¹. Интересен для исследователя белорусского национального историописания разве что последний абзац, в котором В. Цитович сокрушается о былом величии Полоцка и его нынешней неприметности. Княжна выступает не столько главным героем повествования, сколько поводом порассуждать о том, что она «пакінула родны свой Полацк багатым і слаўным, – знойдзе цяпер руіну, абломкі даўнаго веліччя, Лазара у абрыўках княжэцкай бармы, – пакінула народ свой гордым і вольным, каторы любіў і шанаваў свой княжэцкі род, але слухаўся толькі веча – народнаго голасу; пакінула ў разцьвеце сіл яго, – знойдзе цяпер загнаным, прыніжэным і прыбітым доўгай нядоляй; – пакінула яго сьветлым, развітым, сьведомым грамадзянінам, – знойдзе толькі цёмныя массы, каторыя імені свайго забыліся...»⁴². Как мы видим, волнует В. Цитовича только судьба Беларуси. Евфросиния же, в лучшем случае, является для него одним из исторических персонажей, живших во времена расцвета древнебелорусского государства, но никак не его символом, и уж тем более не святой покровительницей того народа, к которому себя относит сам публицист.

Этим ограничивается комплекс текстов, вышедших из-под пера деятелей белорусского национального движения до Первой мировой войны и связанных с Евфросинией Полоцкой. Очевидно, идею о полоцкой преподобной как о святой покровительнице Беларуси и белорусского народа, которую поддерживали сторонники «триединой русской нации», деятели национального движения не приняли. Швейцарский исследователь С. Родевальд в одной из своих недавних работ высказал предположение, согласно которому они «проигнорировали» Евфросинию из-за того, что ее образ уже был окончательно присвоен сторонниками концепции триединого русского народа, и отвоевать у них этот символ не представлялось возможным⁴³.

⁴⁰ См., например: *Лінднэр Р.* Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. С. 107.

⁴¹ Преподобная княжна Евфросиния Полоцкая // Новороссийский край. 1910. № 671. С. 4; К перенесению св. мощей Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Козьма Минин. 1910. № 18. С. 2.

⁴² *Цітовіч В.* Сьвятая Еуфросінія княжна Полацкая // Наша Ніва. 1910. № 20. С. 309.

⁴³ *Родэвальд Ш.* «Пра Полацкую Венецыю»: Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. – да 1914 г.). Мінск, 2020. С. 517.

Мы согласимся с этим тезисом, но лишь отчасти. Слабым местом гипотезы С. Родевальда является ее неспособность объяснить, почему публицисты «Нашей нівы» игнорировали Евфросинию до Полоцких торжеств 1910 г. Ведь, как было показано выше, только во время церемонии перенесения мощей идея о том, что Евфросиния Полоцкая является покровительницей единства белорусов с русским народом, впервые прогремела по-настоящему широко. Вплоть до этого события соответствующие мотивы существовали только на уровне творчества местных полоцких публицистов. И все же, за четыре года, прошедшие с момента начала издания «Нашей нівы» в 1906 г., ее коллективом не было предпринято ни одной попытки обратиться к образу Евфросинии. По всей видимости, игнорирование представителями белорусского национального движения святой княжны в этот период все-таки объясняется тем, что до 1910 г. Евфросиния в лучшем случае являлась одной из периферийных составляющих «полоцкого мифа». Но применительно к периоду после 1910 г. тезис С. Родевальда, на наш взгляд, адекватно отражает действительность.

Итак, белорусская национально ориентированная интеллигенция долгое время не обращала на полоцкую преподобную никакого внимания, а когда, наконец, обратила, символ уже был полностью «присвоен» сторонниками единства белорусов с «триединой русской нацией».

К 1910-м гг. Евфросиния Полоцкая уже отнюдь не являлась единственным претендентом на статус покровительницы Беларуси. Накануне Первой мировой войны на эту роль начали претендовать некоторые католические святые. Их перечень весьма предсказуем: в белорусском ключе переосмыслились наиболее популярные в народной среде католические святые, земная жизнь которых хотя бы частично прошла на территории Великого княжества Литовского. В частности это коснулось св. Андрея Боболи, Иосафата Кунцевича и королевича Казимира. Проблема заключалась в том, что традиция почитания этих святых была давно интегрирована в свою идеологию польским национализмом, а сами они на протяжении длительного времени являлись символами единства территорий бывшего Великого княжества Литовского с Польшей.

Сформировавшись задолго до возникновения идеи независимой белорусской нации, культы Боболи, Кунцевича и Казимира не были приспособлены к роли ее символов. Тем не менее, попытка их переосмысления была предпринята. В 1911 г. в виленской типографии Мартина Кухты вышла брошюра, посвященная св. Андрею Боболе. Она представляла собой переработанную и переведенную на белорусский язык версию изданного годом ранее произведения польского публициста, скрывавшего свое имя за псевдонимом «Jan z nad Buga». Присутствовавшие в приложении к оригиналу польские молитвы в переводе были заменены на два стихотворения белорусского поэта Янки Купалы⁴⁴, называвшиеся «Ві. Andrej Babola». В первом из них есть, например, такие строки⁴⁵:

Budzie żyć biz kanca,
Slyć cudami ũsiady
Hety mućenik nař,
Bielaruskі Swiaty.

⁴⁴ О проблеме авторства этих стихотворений см.: Янушкевіч Я. Апостал Палесся. Святы Андрэй Баболя ў паэмах Янкі Купалы. Мінск, 2013. 56 с.

⁴⁵ Пропаганда полонизма // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 1072. Л. 23 об. – *Jan z nad Buha*. Ві. Andrej Babola Муцьнік Т. J. Wilnia, 1911. 36 s. находится в РГИА (Ф. 821. Оп. 10. Д. 1072. Л. 4–26 об.)

I zastupicca Jon
Pirad Boham niraz
I za naš biedny kraj
I za zmučanych nas.

Во втором стихотворении присутствует не менее характерный фрагмент⁴⁶:

Budź že, budź Ty, Babola, zastupnikam našym
Pirad Stwurcam Niabiesnym Pradwiecznym,
I lud swoj, što lubiŭ tak, choć worah i strašyŭ,
U apiece i łasce miej wiečna.

Wypraś dolu jamu i pryhilnaś u Boha,
Spor u chacie, ŭražajnaś u poli,
Pawiadzi k jasnaj sławie ščaśliwaj darohaj
Biełarus z panižeńnia, z niawoli.

Характеризуя Боболю как «белорусского святого», который заступает перед Богом «за наш бедный край» и может «из унижения и неволи» вывести Беларусь «к ясной славе счастливой дорогой», поэт явно приписывает ему те же качества, что годом ранее православные священники и пророссийские публицисты приписывали Евфросинии. В самом деле, полоцкая княжна также позиционировалась как белорусская святая, которая молится за свой бедный народ и как «путеводная звезда» ведет его к лучшему будущему. Разница заключалась лишь в том, что грядущее счастье, к которому вели белорусский народ святые, в одном случае связывалось с неразрывным единством с «триединой русской народностью», а в другом – с полноценным обретением белорусами статуса самостоятельной нации.

Корпус белорусоязычных текстов, посвященных св. Андрею Боболе, св. Казимиру и св. Иосафату Кунцевичу, серьезно расширился после 1913 г., когда начала издаваться газета «Biełarus» – печатный орган белорусского католического движения, которое стало активно развиваться накануне Первой мировой войны⁴⁷. Газета – в ее издании большую роль играли представители католического духовенства – вполне закономерно стала уделять святым намного больше внимания, чем светская «Наша ніва». И хотя публиковавшиеся в ней статьи, в отличие от процитированных выше стихов Я. Купалы, не содержат резких утверждений, приписывающих какому-либо святому особую роль в истории и культуре белорусской нации, в некоторых из них Казимир называется «великим патроном и опекуном нашей земли»⁴⁸, а Иосафат – «нашим ближайшим патроном»⁴⁹. «Святым патроном нашим» Казимир именуется и в католическом «Белорусском молитвеннике», изданном в 1915 г. Б. Пачобкой⁵⁰.

⁴⁶ Там же. Л. 26 об.

⁴⁷ О раннем этапе издательской деятельности представителей белорусского католического движения см.: *Щавинская Л. Л.* 1) Печатные издания начала XX в. для белорусов римско-католиков в контексте развития национального самосознания // *Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: Материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции.* М., 2021. С. 533–539; 2) Начало белорусского движения у католиков: «Kantuczka» 1914 г. // *Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления.* М., 2011. С. 234–256.

⁴⁸ *В. Р-ко.* Swiaty Kazimier Karalewicz Wyznauca // *Biełarus.* 1913. № 8. С. 4–5.

⁴⁹ *Światy Jozafat Muczanic* // *Biełarus.* 1914. № 39. С. 4–5.

⁵⁰ *Boh z name.* *Biełaruski Madliteunik.* Wilnia, 1915. С. 228.

Резюмируя, можно отметить, что накануне Первой мировой войны существовало два «проекта» «белорусских святых», за каждым из которых стояли носители двух противоположных взглядов на будущее белорусского народа. В фокусе первого, история которого уходила корнями в XVII в., находилась фигура св. Евфросинии Полоцкой, вплоть до 1870-х гг. эпизодически позиционировавшаяся полоцким православным духовенством и интеллигенцией в качестве покровительницы «Белорусской страны». На рубеже XIX–XX вв. и, особенно, после 1910 г. сторонниками единства Белой Руси с Россией преподобная стала интерпретироваться как символ и в то же время как небесная покровительница «православно-русского единства» – неразрывной связи белорусов с русским народом.

Другой «проект», находившийся накануне Первой мировой войны на начальном этапе своего формирования, был, по всей видимости, нацелен на переосмысление в белорусском ключе не одного, а сразу нескольких святых. Не успев или не пожелав интегрировать в свой национальный нарратив образ Евфросинии Полоцкой, деятели белорусского движения обратились к иным символическим фигурам, коими являлись католические святые Андрей Боболя, Казимир и Иосафат Кунцевич. В течение XIX в. все они были связаны исключительно с польским национальным нарративом, однако применительно к первой половине 1910-х гг. можно с уверенностью утверждать, что как минимум один из них (Андрей Боболя) уже позиционировался белорусскими авторами как «покровитель Беларуси». Беря на вооружение старые культы польских католических святых, деятели белорусского национального движения пытались вписать их в собственную систему координат, стремясь таким образом обрести фигуру, при помощи которой можно было бы отмежеваться от идеологии «триединой русской нации» и подчеркнуть самостоятельность белорусов.

Информация о статье:

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, образ, память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Автор: Короневский, Виктор Ильич – лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0001-5910-6799, SPIN-код 7281-7930, Author ID 1139793; e-mail: st069710@student.spbu.ru

Заголовок: Идея «белорусского святого» в XIX – начале XX века: Альтернативы и противоречия

Резюме: Статья посвящена проблеме зарождения и становления идеи о святом покровителе белорусских территорий и белорусского народа в период до 1914 г. В первую очередь анализируется история культа св. Евфросинии Полоцкой, которая впервые упоминается в белорусском контексте еще в 1663 г. в стихотворениях Симеона Полоцкого. В дальнейшем идея о «святом покровителе Белоруссии» актуализируется только в 1830-е, а затем в начале 1870-х гг. До 1890-х гг. она фиксируется ситуативно: в особенно важные для местного православия периоды представители духовенства и интеллигенции Полоцка и Витебска позиционируют как покровительницу Полоцкой земли и Белорусского края Св. Евросинию. На рубеже XIX–XX вв. идея об общеполском культе святой становится более популярной, а в качестве объекта покровительства преподобной все чаще начинает называться не только Белорусский край, но и белорусский народ. Апогея идея достигает в 1910 г., когда было громко заявлено, что Евфросиния Полоцкая – покровительница белорусской ветви «триединого русского народа». Помимо этого, рассматривается бытование идеи «белорусского святого» в среде деятелей белорусского национального движения в начале XX в. В качестве святых ими позиционировались традиционно почитаемые в регионе польские католические святые, и, в первую очередь, св. Андрей Боболя, в то время как образ св. Евфросинии не играл в их нарративе заметной роли. Выделяется общее и особенное в процессах зарождения и развития двух «проектов» белорусских святых, их соотношение друг с другом.

Ключевые слова: Беларусь, святость, национализм, православие, католицизм, Полоцк, Евфросиния Полоцкая, Андрей Боболя, Иосафат Кунцевич, Симеон Полоцкий, этничность, идентичность

Литература, использованная в статье:

Белы, Алякс. Хроніка Беларускай Русі: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск: Энцыклапедыкс, 2000. 238 с.

Горизонтов, Леонид Ефремович. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 129–150.

Долбилов, Михаил Дмитриевич. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Ліндэр, Райнэр. Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2005. (Бібліятэка часопіса «Беларускі гістарычны агляд». Серыя «Альбарутэніка»). 538 с.

Мыслівец, Галіна Міхайлаўна. Традыцыя шанавання Еўфрасініі Полацкай: Генезіс, развіццё, сучаснасць: Дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2015. 160 с. + дадатак.

Родэвальд, Штэфан. «Пра Полацкую Венецыю»: Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. – да 1914 г.). Мінск: Лімарыус, 2020. 632 с.

Родэвальд, Штэфан. Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2009. Т. 16. С. 345–372.

Сталюнас, Дарюс. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Щавинская, Лариса Леонидовна. Начало белорусского движения у католиков: «Kantyczka» 1914 г. // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 234–256.

Щавинская, Лариса Леонидовна. Печатные издания начала XX в. для белорусов римско-католиков в контексте развития национального самосознания // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития. Материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции. Москва, 2021. С. 533–539.

Янушкевіч, Язэп. Апостал Палесся. Святы Андрэй Баболя ў паэмах Янкі Купалы. Мінск: Про Хрысто, 2013. 56 с.

Fukushima, Chiho. Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe. Boston, 2020. P. 1–28.

Jobst, Kerstin. Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych // Journal of Ukrainian studies. 2012. № 37. P. 1–17.

Łatuszonek, Oleg. Od Rusinów Białych do Białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2006. 388 s.

Information about the article

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-48-04402): «Saints and Heroes: From christianization to nationalism. symbol, image, memory (North-Western Russia, the Baltic States and Northern Europe)»

Author: Koronevskii, Viktor Il'ich – research assistant, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0001-5910-6799, SPIN-код 7281-7930, Author ID 1139793; e-mail: st069710@student.spbu.ru

Title: The idea of a «Belarusian Saint» in the 19th – early 20th centuries: Alternatives and contradictions

Summary: The article is devoted to the problem of the origin and formation of the idea of the patron saint of the Belarusian territories and the Belarusian people in the period up to 1914. First of all, the history of the «Belarusian» component of the cult of St. Euphrosyne of Polotsk is analyzed. For the first time in the Belarusian context, she appears as early as 1663 in the poems of Simeon of Polotsk, however, in the future, the corresponding idea of the «patron saint of Belarus» was actualized only in the 1830s and then in the early 1870s. Until the 1890s it is mentioned only situationally: in periods that are especially important for local Orthodoxy, individual representatives of the Orthodox clergy of Polotsk and Vitebsk position the saint as the patroness of not only the Polotsk, but also the Belarusian region. However, at the turn of the XIX–XX centuries the idea of the «Belarusian Euphrosyne» is becoming more popular, and not only the Belarusian region, but also the Belarusian people are increasingly being called the object of the patronage of St. Euphrosyne. The idea reached its peak in 1910, when it was loudly declared that Euphrosyne of Polotsk was the patroness of the Belarusian branch of

the «triune Russian people». In addition, the existence of the idea of a «Belarusian saint» among the leaders of the Belarusian national movement at the beginning of the 20th century is considered. It is established that as such they positioned the traditionally revered in the region Polish Catholic saints, and, first of all, St. Andrew Bobola, while the image of St. Euphrosyne did not play a prominent role in their narrative. The common and special features in the processes of origin and development of two «projects» of Belarusian saints, their correlation with each other are singled out.

Keywords: Belarus, sanctity, nationalism, Orthodoxy, Catholicism, Polotsk, Euphrosyne of Polotsk, Andrew Bobola, Josafat Kuntsevich, Simeon of Polotsk, identity

References:

- Bely, Ales'. *Hronika Belaj Rusi: Narys gistoryi adnoj geagrafichnaj nazvy* [The Chronicle of White Russia: An Outline of the History of One Geographical Name]. Minsk: Entsyklapedyks Publ., 2000. 238 p. (in Belarusian).
- Dolbilov, Mikhail Dmitrievich. *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith: the ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: New Literary Review Publ., 2010. 1000 p. (in Russian).
- Fukushima, Chiho. Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence, in *Entangled interactions between religion and national consciousness in Central and Eastern Europe*. Boston, 2020. Pp. 1–28.
- Gorizontov, Leonid Efremovich. «Bol'shaya russkaya natsiya» v imperskoy i regional'noy strategii samodержaviya [«The Great Russian Nation» in the imperial and regional strategy of the autocracy], in *Prostranstvo vlasti: Istoricheskiy opyt Rossii i vyzovy sovremennosti = The space of power: The historical experience of Russia and the challenges of modernity*. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation Publ., 2001. Pp. 129–150. (in Russian).
- Jobst, Kerstin. Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych, in *Journal of Ukrainian studies*. 2012. № 37. Pp. 1–17.
- Łatyszonek, Oleg. *Od Rusinów Białych do Białorusinów: U źródeł białoruskiej idei narodowej* [From White Ruthenians to Belarusians: At the Sources of the Belarusian National Idea]. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku Publ., 2006. 388 p. (in Polish).
- Lindner, Rainer. *Gistoryki i ulada. Nacyyatvorchy praces i gistorychnaya palitika u Belarusi XIX–XX st.* [Historians and power. Nation-building process and historical politics in Belarus in the 19th–20th centuries]. Minsk; St. Petersburg: Nevsky Avenue Publ., 2005. 540 p. (in Belarusian).
- Myslivets, Galina Mikhailauna. *Tradycyya shanavannya Eufrosyni Polackaj: Genezis, razvicyo, suchasnasc'* [The tradition of honoring Euphrosyne of Polotsk: Genesis, development, modernity]: PhD thesis. Minsk, 2015. 160 p. (in Belarusian).
- Rohdevald, Stefan. «Pra Polackuyu Venecyyu»: Kalketyunyia dzeyanni sacyyal'nyh grup gorada pamizh Uskhodnyaj i Central'naj Europaj (Syarednyavechcha, ranni Novy chas, XIX st. – da 1914 g.) [«About Polotsk Venice»: Collective activity of social groups of the city between Eastern and Central Europe (Middle Ages, Early Modern Times, XIX century – until 1914)]. Minsk: Limaryus Publ., 2020. 632 p. (in Belarusian).
- Rohdevald, Stefan. Pra ushanavanne Yazafata Kunceviha u XVII st. [About honoring Jozafat Kuntsevich in the 17th century] in *Belaruskі Gistorychny Aglyad = Belarusian Historical Review*. 2009. Vol. 16. Pp. 345–372. (in Belarusian).
- Shchavinskaya, Larisa Leonidovna. Nachalo belorusskogo dvizheniya u katolikov: «Kantyczka» 1914 g. [The beginning of the Belarusian movement among the Catholics: «Kantyczka» 1914], in *Etnokul'turnaya identichnost' narodov Ukrainy, Belorussii i Pol'shi = Ethnocultural Identity of the Peoples of Ukraine, Belarus and Poland: Mechanisms of formation and ways of manifestation*. Moscow: Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Press., 2011. Pp. 234–256. (in Russian).
- Shchavinskaya, Larisa Leonidovna. Pechatnye izdaniya nachala XX v. dlya belorusov rimsko-katolikov v kontekste razvitiya nacional'nogo samosoznaniya [Printed editions of the early XX century. for Belarusian Roman Catholics in the context of the development of national identity], in *Sovremennye problemy knizhnoj kul'tury: Osnovnye tendencii i perspektivy razvitiya = Modern problems of book culture: Main trends and development prospects*. Materials of the XIV Belarusian-Russian scientific seminar-conference. Moscow, 2021. Pp. 533–539. (in Russian).
- Staliunas, Darius. *Pol'sha ili Rus' ? Litva v sostave Rossijskoj imperii* [Poland or Russia? Lithuania is part of the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review Publ., 2022. 376 p. (in Russian).
- Yanushkevitch, Yazep. *Apostal Palessya. Svyaty Andrej Babolya u paemah Yanki Kupaly* [Apostle Polesya. Saint Andrew Bobola in the poems of Yanka Kupala]. Minsk: Pro Chrysto Publ., 2013. 56 p. (in Belarusian).